

ПАССАЖИР

(из студенческой тетради)

Весь день провела на ногах, да еще и в сапогах на высоких каблуках. Та масса дел, которую я успела сделать и масса дел, которая ждала меня по возвращении, остались за вагонным окном.

Меня ожидали четыре часа пути.

Четыре часа покоя.

Я с наслаждением закрыла глаза.

Поезд отправлялся в 22 часа. До

отправления оставалось 8 минут.

Я сидела в плацкартном вагоне, у окна и смотрела как снаружи бегают припудренные снежком пассажиры.

На мне было, неподходящее для этой погоды, демисезонное пальто, в которое я зарылась по самые уши.

Зима нагрянула безо всякого предупреждения- просто к вечеру повалил снег и все тут.

В вагоне было почти пусто и потому уютно. Хотелось вздремнуть.

Хлопнула вагонная дверь и вслед за ней, как хлопушка, «выстрелил» резкий голос: «Муся! Не подымай! Я сам!» Тембр голоса можно было бы отнести к тенору, но очень неприятному.

«Господи, хоть бы прошли мимо!» -мысленно взмолилась я и предчувствие меня не обмануло.

Я вообще из невезучих.

«Какие тут у вас места? А, девушка? Что, не успели сесть, уже заснули? Ха-ха!» -звонко сострил тенор.

Обладателем этого бударажающего голоса был очень низенький, полненький и, как позже обнаружилось, плешивый человек. Его ядрённые, розовые от снега щеки, напоминали румяные ягодицы обнаженных женщин с полотен Рубенса. За ним ступала толстая женщина с сонным лицом, облепленная снегом. Она напоминала запорошенный снегом стог.

Поезд тронулся. В вагоне зажгли пронзительный свет.

Мужчина суетливо разместил чемоданы, потом долго сметал со своей спутницы снег, непрерывно что-то говоря и похихикивая. И после каждой, на его взгляд, удачной шутки, он поворачивался ко мне и спрашивал: -«Я правильно говорю? А, девушка?»

Наконец-то женщтна –стог была расчищена и посажена. После чего она моментально заснула.

Когда с женой было «покончено», пассажир принялся за меня.

□ «Что это на вас такое пальтишко? И вам на холодно?»-

поинтересовался он, произнося в нос слова.

Муся, заполнившая собой весь угол, приподняла веки и сердито буркнула: «Конечно холодно!»

□ «Что же это вы молодежь, так одеваетесь? Все форсите!»- продолжал развлекать себя беседой мой сосед .

□ «Может вы -студентка?»

Я неопределенно улыбнулась в ответ.

Так мы какое-то время ехали, под безостановочную болтовню соседа .

Неожиданно поезд сбавил скорость, несколько раз конвульсивно дернулся и остановился.

Обладатель тенора сорвался с места. Расплющив нос об оконное стекло, он стал соколиным оком всматриваться во мглу.

За окном, как что-то огромное и живое , шевелился падающий снег.

□ «Это же не станция!» - разоблачающим тоном выпалал «маленький тенор».

«Ничего не понимаю! Ничего не понимаю! Где мы?! Ничего не понимаю!...»

«Что-то случилось!» - наконец-то догадался он.

Маленький и верткий, он бился как птица в залепленное снегом окно.

Муся невозмутимо похрапывала в углу.

От звуков тенора у меня от лопаток к затылку стали бегать мурашки.

Даже когда поезд тронулся сосед еще долго не мог успокоиться. Он возбужденно высказывал догадки о причинах остановки, подробно рассказал три случая когда поезд сошел с рельс, а также об одной авиационной катастрофе. И еще о том, как один рыболов провалился в прорубь...

Он говорил и говорил...

Я взглянула на часы. «Через каких-нибудь полтора часа мне выходить», - приободрила я себя.

А тенор уже говорил о том, что «здоровье»- самая лучшая мода, о том, что когда он был молодым, то он ни о какой моде и не думал, а одевался просто и утепленно и теперь у него нет ревматизма!

Я все ждала удобного момента, чтобы захлопнуть глаза и уже не открывать их до самой моей станции. Ведь не станет же залиvistый тенор беседовать сам с собой.

От слишком яркого света в вагоне и от «растреливающего» голоса соседа, у меня ныло в висках.

Солирующий тенор уже говорил о нашей внешней политике.

Сначала, какое-то время, уйдя от цепкого взгляда соседа, я смотрела в окно, где ничего не было видно, кроме моего отражения.Затем, плавно я перевела взгляд на пластмассовый столик, на котором прочла нацарапанное нецензурное слово, несколько раз красноречиво зевнула и наконец, смежила веки.

Тенор еще какое-то время звучал, но убедившись, что я глаз не открою, умолк.

Стало тихо и хорошо. Вагон покачиваясь, тихонько поскрипывал, а колеса ритмично приговаривали: «Вот так- вот так...»

От усталости и тепла я задремала.

Меня разбудила какая-то возня.

Сквозь ресницы я взглянула на соседа.

Он стоял одним коленом на столике и коротенькой рукой тянулся к радио. От напряжения, он громко сопел.

В этот момент этот маленький человек показался мне неистребимым чудовищем.

Он крутанул рычаг радио. Но радио «не запело»!

Раскрасневшийся и разочарованный, обладатель тенора сел и заскучал. Но так просидел он недолго...

.....

Я тогда еще не читала толстенную книгу –«Курс Чудес» и не знала что нужно научиться все без исключения прощать.

Поэтому в ту ночь, в уме, я периодически «примеряла» к этой ситуации сюжет драмы «Отелло», где «маленькому тенору» отводилась роль Дездемоны...